

В ПОТОКЕ КНИГ

П.С. Гуревич

ОБ ИСТИНЕ И ПРОДВИЖЕНИИ К НЕЙ

Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с. (тираж 800 экз.)

Ученый совет Института философии РАН не считал возможным отметить данное издание как достойное премии по принятым стандартам. Указывалось также на то, что экспертная комиссия располагает двумя отрицательными отзывами на эту энциклопедию. Но эта информация не соответствует действительности. В комиссию была сдана еще и третья рецензия, положительная, подготовленная доктором философских наук, профессором И.В. Егоровой. В ней отмечались достоинства издания — широта замысла, учет смежных областей знания, глубина в разработке многих проблем.

Не являясь специалистом по эпистемологии, я буду судить об энциклопедии прежде всего как человек, имеющий некоторый опыт работы над подобными изданиями¹. Понятное дело, что работа над такой книгой занимает не один год. Косвенным образом об этом свидетельствуют фамилии авторов, увы, уже заключенные в черные рамки.

В редком по замыслу и исполнению энциклопедическом издании участвовал целый исследовательский коллектив известных специалистов (свыше 150 человек). Безусловно, энциклопедия отражает уровень современного знания, в ней обобщена многолетняя научно-исследовательская работа в сфере философии познания, междисциплинарных исследований и когнитивных наук. Нет сомнений, что данная специализированная энциклопедия является значимым прорывом в концептуализации и институционализации конкретных научных дисциплин — эпистемологии и философии науки. Авторы правомерно подчеркивают значение методологической составляющей философского

мышления. Без критической методологической рефлексии невозможны ни концептуальное мышление, ни научное образование.

Достоинство энциклопедии состоит, помимо прочего, в реализации нового, неклассического понимания предмета и метода современной эпистемологии. Авторы статей учитывают радикальное расширение предметного поля философского анализа знания. Энциклопедия отражает исследования не только научного знания, но и многообразия его типов. Эпистемологический интерес распространен как на научные, так и на вненаучные способы когнитивного освоения мира.

Вполне допускаю, что энциклопедию могли критиковать за определенную «нестрогость» словника. Но что имеется в виду? Многие исследователи пишут о кризисе, который захватил методологию научного познания. Стремясь очистить когнитивный арсенал, они отвергают «методологический либерализм», «методологический плюрализм» и «методологический анархизм»². Однако выход из кризиса видится не только в «очищении» когнитивной территории. Его можно помыслить также и в более широком понимании социокультурного аспекта эпистемологии. Именно такая ориентация и составляет неопровержимо сильную сторону рецензируемой книги.

Можно, разумеется, задаться вопросом, насколько уместны в данном издании статьи «Астрология», «Алхимия» и др.? Но ведь они подготовлены специалистами и прекрасно иллюстрируют идею многообразия видов знания. «Разность» методов, оснований, типов знания, на мой взгляд, не может не присутствовать в

¹ Психоанализ. Популярная энциклопедия / Сост. и научн. ред. П.С. Гуревича. М., 1998; Психологический словарь / под общ. научн. ред. проф. П.С. Гуревича. М., 2008.

² См. об этом: Гуревич П.С. Философские просторы теории познания (тематический обзор) // Философия и культура. 2011. № 6. С. 170-181.

энциклопедическом издании. Только так может реализоваться методологическая рефлексия над социокультурными аспектами знания и историзация методологического познания науки³. При этом не происходит отказа от принципов философского рационализма; напротив, его территория расширяется. Ведь в сферу рационального анализа и исследования отныне попадают и такие феномены, которые долгое время рассматривались как нечто недостойное и иллюзорное, неразвитое и одновременно устаревшее, а то и вовсе не существующее. Однако узкий подход в теории познания противоречит идее научности, позволяющей любое явление делать своим предметом. Представьте, если бы медицинская наука объявила достойным предметом изучения только те органы человека, которые расположены выше пояса. Конечно, от этого бы выиграли нейрохирурги и кардиологи, но что бы было с самими пациентами?

Такая абсурдная ситуация естественным образом приводит нас к понятию «абсурда», которое раскрывается в Энциклопедии, двумя авторами — И.А. Герасимовой и А.П. Огурцовым. Да, в научной диалектике абсурд — знак нелогичного, незаконного перехода от предмета к предмету, от понятия к понятию. Но можно ли, скажем, трактовать абсурд как границу, изнанку, оборотную сторону смысла, его превращенную форму? На мой взгляд, нет, поскольку границей смысла является бессмыслица. Но в истории познания то, что казалось абсурдным в одном познавательном аспекте, оказывалось совершенно неабсурдным в другом контексте. В частности, И.А. Герасимова отмечает, что отрицательные числа поначалу казались абсурдными. Но абсурд — граница лишь формализованного знания. Абсурдные сообщения могут приобретать новый смысл в радикально новой системе мысли. Когнитивное значение абсурда состоит в том, что он указывает на ошибку. В буддистской системе мышления абсурд — знак перехода от обусловленного к необусловленному. Именно поэтому абсурд не бессмыслица, не пустота, не только логический сбой. С точки зрения эпистемологии, интерес к абсурду, к нелепости может

знаменовать рождение нового рационализма. Новые формы художественных практик, о которых пишет А.П. Огурцов, являются не просто изнанкой смысла. В культуре прошлого столетия рождается обоснование мысли об абсурдности человеческого существования, которую никак невозможно назвать нелепостью или изнанкой смысла вообще.

Социокультурный аспект познания обнаруживается во многих статьях издания. Скажем, смысл адаптации человека к биологической среде не исчерпывает содержание статьи «Адаптация». Здесь говорится также и о разных направлениях исследований адаптации человек. Отмечается, что социальное направление занято изучением социально-биологических последствий научно-технического прогресса для человека. Вполне логично было бы упомянуть в статье и феномен «футурошока», напрямую связанного с когнитивными проблемами. Статья В.Г. Борзенкова не касается новейших концепций происхождения человека, но четко обозначает проблему формирования человеческого сознания, его связи с языком, с трудовой и ритуальной деятельностью, с групповыми способами поведения.

Логично дополняют друг друга две статьи, посвященные архетипу. Ревнителю строгой теории познания включение понятия архетипа в эпистемологическую энциклопедию может показаться неправомерным. Однако архетипы лежат в основе общечеловеческой символики, мифов и верований, символов художественного творчества, сновидений. Философия науки свидетельствует также о том, что архетипы лежат в основе и научной деятельности.

Термин «аффицирование» трактуется в энциклопедии шире, чем просто страсть, крайнее неуправляемое болезненное возбуждение, обозначаемое в психологии как аффектация. Это означает, что аффицирование — философское, а аффектация — психологическое понятие. Существующая философская проблема заключается в том, чтобы институировать аффицирование в некоторую относительно самостоятельную предметность и объект познания. И.А. Герасимова в статье «Бессмысленное» правомерно ограждает данное понятие от причудливости, гротескности, парадоксальности, но в то же время возражает против неопозитивистского сужения данного понятия. Статье «Биографический метод», возможно, не хватает упоминания работ

³ Мы не будем реанимировать спор о правомерности эпистемологического анализа венаучных форм знания — мифа, религии, обыденного сознания и т.п. Напомним только тот факт, что эта проблематика уже далеко не первый год является частью программы кандидатского минимума по истории и философии науки.

С.С. Аверинцева, А.Л. Валевского, Г. Винокура, Ю.М. Лотмана, К. Ясперса. Особенность данного издания в том, что в ряде случаев одному понятию посвящено две, а то и три дополняющие друг друга статьи разных авторов. Вот, допустим, о воображении сразу три материала. И все-таки из поля зрения выпали Т. Гоббс, Д. Локк, А. Шефтсбери, Д. Юм. К сожалению, статья о духовности (Д.А. Леонтьев) охватывает лишь круг психологической литературы (Юнг, Франкл и др.). Не нашлось места для некоторых представителей философской классики (например, для Н.А. Бердяева).

В чем смысл этих небольших критических замечаний? Столь широкое по замыслу и академич-

ное по исполнению издание может, разумеется, вызывать несогласие, полемические суждения. Но должны ли они влиять на оценку энциклопедии в целом? Ни в коей мере. Перед нами солидное, научно оснащенное издание, к созданию которого были привлечены лучшие научные силы. Статьи И.Т. Касавина, В.А. Лекторского, Т.Г. Щедриной, С.С. Неретиной, А.П. Огурцова, Б.В. Маркова, В.Н. Поруса, Л.А. Микешинной и других авторов отражают современный уровень эпистемологического знания.

У меня нет сомнений в том, что данная энциклопедия вполне заслуживает не только признания, но и премии как лучшее издание в этой области знаний.